

Он с досадой покачал головой: холод пропитал тело, если бы принесли раньше, быть может, еще оставалось бы спасение, но сейчас этому юноше была уготована неминуемая гибель.

Цзян Сюйнин уже и сам не знал, сколько раз слышал те же слова, он даже оцепенел, поэтому думал, что и на сей раз сможет отнестись ко всему хладнокровно. Однако он забыл, что тогда искал смерти, а теперь — жаждет жизни. Спросите себя: если даже Бессмертный Достопочтенный Чжун И бессилен против его недуга, то кто еще сможет его спасти? Словно удар дубиной по голове, последняя иллюзия рухнула без остатка, и он невольно поддался отчаянию. Остатки разума заставляли его сохранять ясность рассудка, не позволяя слишком сильно потерять лицо, но от столь бурной радости, сменившейся столь глубоким горем, у него закружилась голова, и он, не удержавшись, повалился назад.

— Как такое возможно?

Лицо Юй Хэна побледнело, ослепительно яркая, до предела пышная красота вмиг увяла. Он подхватил потерявшее силы, ослабевшее тело юноши в своих объятиях, словно не веря происходящему, а затем взволнованно спросил:

— Неужели даже Плод Багровой Жемчужины не поможет?

— Не поможет.

Бессмертный Достопочтенный Чжун И, разумеется, понял, к чему он клонит, но чувствовал себя крайне беспомощным. Вовсе не потому, что ему было жаль редкостного Плода Багровой Жемчужины, — просто для обычного человека от него не было никакой пользы.

Опираясь на Юй Хэна, Цзян Сюйнин немного пришел в себя. Услышав три слова «Плод Багровой Жемчужины», он невольно прояснил мысли еще сильнее.

Плод Багровой Жемчужины он, конечно же, знал: в той прочитанной им книге о нем было подробное описание. Говорили, что он пускает росток сто лет, сто лет формируется в куст, сто лет цветет, сто лет плодоносит, а затем еще через сто лет окончательно созревает. Похожий на агат, ярко-красный, как кровь, и обладающий невероятным, ни с чем не сравнимым ароматом, он был бесценен. Во всей Поднебесной лишь у Бессмертного Достопочтенного Чжун И имелось такое растение, а обладало оно способностью выращивать плоть на костях и возвращать к жизни мертвецов. Позже, когда Юй Хэн подвергся тайному нападению и был тяжело ранен, именно благодаря этому Плоду Багровой Жемчужины он чудом вырвал свою жизнь из лап смерти.

Когда Цзян Сюйнин думал об этом в прошлом, он неизменно задавался вопросом: не будь он тогда лишен этого Плода Багровой Жемчужины, возможно, ему и не пришлось бы умирать? Но вскоре он отбросил эту мысль. И вовсе не по какой-то другой причине, а лишь потому, что позже узнал: сколь бы мощным ни был Плод Багровой Жемчужины, вынести его лекарственную силу способен далеко не каждый. У любого лекарства есть доля яда, и только культиваторы могут выдержать его мощное воздействие. Если же его примет такой простой

смертный, как он сам, то не только не поправится, но, чего доброго, не дотянет и до тех трех оставшихся у него лет — выйдет лишь себе во вред.

К тому же Цзян Сюйнин решительно не желал отнимать судьбу у А Хэна, чтобы продлить собственную жизнь, — на это он пойти не мог. Поэтому он чуть сильнее сжал руку юноши, давая понять, что тому больше не нужно ничего говорить.

Сейчас он был необычайно спокоен. Возможно, когда он впервые услышал эту страшную весть, в нем еще теплилось некое заблуждение — он не понимал, раз уж все равно обречен на гибель, зачем ему было давать второй шанс? Но теперь его внезапно озарило: раз уж вопрос жизни и смерти не подвластен его воле, то по крайней мере нужно прожить оставшееся время без сожалений. В прошлой жизни он не исполнил свой сыновний долг, но на этот раз может это исправить. Он хотел домой: по крайней мере, в течение трех оставшихся лет он сможет быть рядом с матерью и отцом.

Цзян Сюйнин думал об этом, но не успел он раскрыть рта, как в следующее мгновение почувствовал, что пальцы на его руке крепче сжались.

Голос юноши прозвучал неторопливо и твердо:

— Тогда ученик желает заключить с ним союз воистину бессмертных.

Начало

Бессмертный Достопочтенный Чжун И: Спасения нет, он умрет.

Хо Линь: Кручусь, прыгаю, закрыв глаза, счастье — это так просто~

Позже

Юй Сяохуа: Заключу союз воистину бессмертных со старшим братцем~

Хо Линь: Дайте мне умереть....

Глава 14

— Что?

Медная подвеска на поясе звонко звякнула, особенно отчетливо прозвучав в царившей вокруг тишине. Бессмертный Достопочтенный Чжун И замер, машинально опустив взгляд — решив, что ему просто послышалось, он не удержался и переспросил.

А в ответ на это он встретил горячий и ничуть не скрываемый взгляд юноши.

— Ученик желает заключить союз воистину бессмертных со старшим братом Сюйнином, — повторил Юй Хэн.

Ни раскаяния, ни малейшего отступления назад, даже громче и тверже, чем мгновением ранее, но при этом с удивительным спокойствием — так, будто речь шла о самом обыденном деле.

Бессмертный Достопочтенный Чжун И словно обжегся этим взглядом, длинные ресницы его невольно затрепетали, и он на мгновение лишился дар речи.

Зато это заставило очнуться Цзян Сюйнина, который с самого начала сидел как в оцепенении.

Союз воистину бессмертных?

Даже не будучи культиватором, он прекрасно понимал, что означают эти два слова.

В той книге, что он читал, упоминалось: для практикующих путь к бессмертию отнюдь не прост, скорее его можно назвать тяжелым. Духовный Корень лишь дарует им право переступить порог, а истинное совершенствование опирается на их собственные многократные озарения, за которыми следуют прорывы, новые озарения и новые прорывы. Число опасностей, подстерегающих на этом пути, не поддается исчислению, и многие гибнут на полпути.

Однако это еще не самое страшное. Всему миру известно, что путь к бессмертию не только труден, но и бесконечно долг. Его окутывает одиночество, и чем дальше продвигается человек, тем легче его поколебать. Именно этот момент оказывается самым критическим: стоит лишь проявить малейшую неосторожность, как прежние старания культиватора пойдут прахом, обернувшись отклонением от ци и полным рассеиванием души — зрелище горестное и жалкое.

Именно поэтому, окинув взором весь мир заклинателей, можно заметить, что лишь единицы способны достичь истинного успеха.

Исходя из этого, многие задумывались над способами решения этой проблемы, и заключение союза воистину бессмертных оказалось одним из них.

Это чем-то напоминало земной брак между мужчиной и женщиной, но в то же время сильно отличалось. Первое — всего лишь бумажный договор, тогда как второе — подлинное сплетение судеб, где жизненные нити двоих соединяются воедино, образуя единое сердце и единую мысль, так что они уже никогда не расстанутся. К тому же, как только контракт заключен, пути назад не остается: даже если попытаться разорвать его насильственно, оба непременно лишатся половины жизни, а о дальнейшем пути к бессмертию придется и вовсе забыть.

Именно поэтому даже культиваторы, желающие стать партнерами по культивации, тщательно взвешивали все за и против, страшась понести потери, превышающие выгоду.

И все же, будь то обычный земной брак или союз воистину бессмертных между заклинателями, неизменным оставалось одно: двое непременно должны испытывать друг к другу взаимную симпатию, лишь тогда их связь продлится долго.

Цзян Сюйнин, разумеется, не думал, что Юй Хэн питает к нему нежные чувства. В конце концов, в тот самый день в прошлой жизни, когда он погиб, проходила грандиозная церемония заключения союза как раз между Юй Хэном и Хо Линем. Почему же всё обернулось нынешним образом, он и сам понимал с трудом.

Впрочем, это замешательство длилось недолго — он быстро сообразил в чем дело, припомнив еще одну строчку из той книги: у тех, кто связал себя узами союза воистину бессмертных, помимо разделения сокровенных чувств, существовало и разделение отмеренного срока жизни.

Юй Хэн хотел спасти его таким способом. Осознав это, Цзян Сюйнин мгновенно переменялся в лице, ведь он вовсе не желал, чтобы А Хэн приносил себя в жертву ради него. Так поступать было нельзя, да и он сам не хотел этого.

— Что за глупости, разве это детская забава?

Всегда мягкий Бессмертный Достопочтенный Чжун И на сей раз говорил со строгим выражением лица. Он вовсе не любил совать нос в чужие дела, но происходящее было слишком серьезным. Даже будучи приверженцем Пути Бесчувствия, он все же был наслышан о союзе воистину бессмертных и отлично осознавал всю тяжесть сопутствующих последствий.

Одно дело, если бы речь шла о двух культиваторах, но со смертным ситуация выглядела совершенно иначе. Давным-давно он знал, что его второй ученик одарен невероятным талантом и при усердных тренировках в будущем непременно добьется великих успехов. И вдруг внезапно оказалось, что у этого юноши собираются просто так отнять половину отпущенного срока, обрекая на тернистый путь. Хотя он и не виделся часто с обоими своими младшими учениками, они все же оставались его питомцами, и сердце его неизбежно болело за них.

Но и это еще не все. Куда больше его тревожило то, что юноша-простолудин совершенно не умел за себя постоять. В отличие от заклинателей, стоило кому-то чужому завладеть им, как он превратился бы в беспомощную рыбу на разделочной доске, а вдобавок ко всему стал бы уязвимейшим местом его второго ученика. Бессмертный не питал к юноше никакой предвзятости — просто эти двое откровенно не подходили друг другу. Мало того, что от этого не было никакой пользы его второму ученику, так еще и сам юноша, пусть даже и продлив себе жизнь на время, вряд ли обрел бы покой в будущем.

Цзян Сюйнин и сам прекрасно понимал все эти резоны и, следуя словам Бессмертного

Достопочтенного Чжун И, уже соби́рался поднять Юй Хэна на ноги:

— А Хэн, я знаю, что ты руководи́шься бла́гими намерениями...

Он как раз соби́рался уговори́ть его, но не успел догово́рить, как юноша внезапно перебил его:

— Ученик говорит вовсе не в шу́тку, я абсолютно серьёзен.

Юй Хэн заговорил снова, ничуть не поколебавшись от слов стоявшего перед ним наставника. Его взгляд пылал с прежней силой, а в сочетании с от природы утонченной, поразительной красотой выражение предельной серьезности делало его еще более привлекательным. Главы его чуть мерцали, и всякий, кто не знал предыстории, легко мог поверить, будто он до беспамятства влюблен в кого-то, переполнен глубочайшей страстью и готов раствориться в этом чувстве.

Однако Цзян Сюйнин прекрасно знал правду, а потому сохранял полную трезвость рассудка.

А вот Бессмертный Достопочтенный Чжун И, судя по всему, никак не ожидал от своего второго ученика подобного упрямства. Какое-то время он просто не знал, с чего и начать, тяжело вздохнул и умолк.

Атмосфера вновь погрузилась в тяжелое молчание, пока раздавшийся голос не разорвал это затянувшееся оцепенение.

— Учитель.

Раздался тихий оклик. Это был Хо Линь, до сих пор не произнесший ни единого звука. Сейчас на его лице застыло абсолютно спокойное выражение, он поочередно обвел взглядом присутствующих и медленно произнес:

— У меня есть иной способ.

Начало

Ранее уже говорилось: ни единому слову Юй Сяохуа верить нельзя, ему просто нужна жена→ _→

Глава 15

Лицо Юй Хэна слегка помрачнело, он уже соби́рался было что-то сказать, как вдруг Хо Линь перебил его:

— Намерение младшего брата благородно, но ведь они все-таки братья. Пусть даже не по крови, заключать союз воистину бессмертных меж ними всё же не годится — боюсь, пойдут кривотолки.

Хо Линь смотрел исключительно на Бессмертного Достопочтенного Чжун И, не глядя по сторонам, и потому упустил из виду перемену в лице Юй Хэна. Переведя взгляд на стоявшего рядом Цзян Сюйнина, он продолжил:

— К тому же молодой господин Цзян, кажется, тоже не слишком-то этого желает.

Тон его был мягким, в нем не осталось и следа прежней холодности и резкости прошлых дней. А поскольку от природы Хо Линь был лицом весьма пригож, смягчив черты и глядя на собеседника, он невольно придавал своему взгляду какой-то особый, неуловимый оттенок.

Цзян Сюйнин от такого взгляда слегка опешил. Вовсе не из-за каких-то вольностей со стороны собеседника — просто он никак не ожидал услышать от Хо Линя подобные речи.

Он заранее предполагал, что Хо Линь станет препятствовать этому делу, но никак не думал, что тот будет изъясняться столь рассудительно, словно искренне заботясь об их общем благе. И чем сильнее проявлялась эта забота, тем более странным всё ему казалось.

И дело было даже не в том, что Хо Линь беспокоился за А Хэна — в этом сомнений не было, — но стоило этой заботе распространиться и на него самого, как ситуация начинала выглядеть дико.

Не говоря уже о том, как Хо Линь обращался с ним прежде, одно лишь намерение А Хэна заключить с ним союз воистину бессмертных должно было вызывать у Хо Линя жгучую ненависть. Ведь в прошлой жизни эти двое сами собирались заключить такой союз, и пусть даже А Хэн делал это лишь ради спасения его жизни, учитывая нрав Хо Линя, тот просто не мог проявить столь великое великодушие.

Более того, Цзян Сюйнин не удержался, снова поднял глаза и вгляделся в лицо собеседника, ощущая, как нарастает его недоумение. А всё потому, что этот человек вел себя до крайности, неестественно хладнокровно.

Стоило вспомнить хотя бы то, что даже за эти несколько коротких дней Цзян Сюйнин воочию убедился: стоило зайти речи об А Хэне, как Хо Линь неизменно приходил в крайнее напряжение — как, например, совсем недавно. И тем не менее, с того самого момента, как А Хэн заявил о желании заключить с ним союз воистину бессмертных, Хо Линь, вопреки всяким законам логики, не произнес ни слова.